

Иванов Дмитрий Игоревич, Лакербай Дмитрий Леонидович

**ЛОГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И. БРОДСКОГО:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

В статье в рамках разрабатываемой авторами метадисциплинарной теории субъектности текста предлагается новый подход к творчеству И. Бродского. Вопреки неомифологическим представлениям о "приватности" дела поэта, отстаиваемым самим Бродским и его апологетами (эти представления составляют месседж персонального культурного неомифа), типологическая характеристика его языковой личности свидетельствует о классическом логоцентризме. Анализ базовой когнитивно-прагматической программы (КПП), выбранной поэтом в режиме исходного целеполагания, подтверждает данную гипотезу. Установлено, что в качестве исходной поэтом выбрана универсальная метанарративная программа Поэта-избранника / изгоя, автоматически актуализирующая неомиф Судьбы Поэта в культуре, вне зависимости от прямых намерений автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 24-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.1; 008:361

В статье в рамках разрабатываемой авторами метадисциплинарной теории субъектности текста предлагается новый подход к творчеству И. Бродского. Вопреки неомифологическим представлениям о «приватности» дела поэта, отстаиваемым самим Бродским и его апологетами (эти представления составляют месседж персонального культурного неомифа), типологическая характеристика его языковой личности свидетельствует о классическом логоцентризме. Анализ базовой когнитивно-прагматической программы (КПП), выбранной поэтом в режиме исходного целеполагания, подтверждает данную гипотезу. Установлено, что в качестве исходной поэтом выбрана универсальная метанарративная программа Поэта-избранника / изгоя, автоматически актуализирующая неомиф Судьбы Поэта в культуре, вне зависимости от прямых намерений автора.

Ключевые слова и фразы: метадисциплинарность; логоцентрическая модель; языковая личность; когнитивно-прагматическая программа; универсальная метанарративная КПП; И. Бродский.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Гуандунский университет международных исследований, Китайская народная республика

Ивановский государственный университет

Ivanb10@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н.

Ивановский государственный университет

lakomotion@yandex.ru

ЛОГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И. БРОДСКОГО: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Прежде чем применять к феномену Бродского обозначенное в заглавии понятие, необходимо сказать несколько слов о сути самого подхода. Теория субъектности текста – метадисциплинарная концепция на стыке литературоведения, семиотики культуры, философии языка, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, разрабатываемая Д. И. Ивановым и Д. Л. Лакербаем сначала по отдельности, а затем в рамках единого многоаспектного подхода, позволяющего задействовать различные области и инструменты анализа в свете метадисциплинарной стратегии. Ее логика заключается в том, что по мере возникновения и развития «частных» дисциплин, дробящих широко понимаемую культурно-языковую проблематику, должны появляться не просто «связки» (междисциплинарность), но и «сквозные» теории, способные работать в *метадисциплинарности*, т.е. «соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин. Смысл метадисциплинарной теории в том, что она должна не *привнести* извне, а *открыть* потенциал универсализации в самих разнородных объектах – как их собственную эссенциальную характеристику» [11, с. 96].

Авторская теория субъектности текста далека от завершенности, однако уже можно обозначить принципиальные векторы ее развития. Один из них – процессуальное понимание художественного произведения. В отличие от рецептивных подходов, основные источники которых феноменология и герменевтика, мы переносим акцент с самой коммуникативной ситуации (хотя и она в поле зрения) на субъектную «онтологию» художественного текста в бахтинской традиции. Это и неисследимость «первичного автора», и неповторимость субъектности самого текста: «...за каждым текстом стоит система языка. <...> Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [1, с. 299-300]. Как следствие, под номинацией «произведение» скрывается сложная процессуальность: «Процессуален язык, точнее, возникающее уникальное речевое произведение; процессуальна переходящая через порог “снятия” субъективность: объективирующаяся в языке (речевом произведении) авторская субъективность и “воссоздающая” (эстетический объект из речевого произведения) или “волонтаристская” (“наслаждение от текста”) – читательская» [15, с. 101-102]. Тем самым материально зафиксированный текст оказывается своего рода камнем, брошенным в пруд восприятия и порождающим волны рецепций, из которых благодаря деятельности интерпретаторов возникает произведение как эстетический объект. Однако организует (в разной степени) эту ответную деятельность не только сам субъект (в «бумажном» тексте он отсутствует), но перешедшее в язык субъектное начало. К нему мы еще вернемся, пока же отметим: процессуально понимаемый художественный текст (абстрагируемся здесь от сложной и неоднозначной корреляции понятий *текст* и *произведение*) с семиотической точки зрения простирается за пределы вербального *речевого произведения* – собственно, в любые гетерогенные семиотические зоны, которые участвуют в его созидании (например, музыкальные, артикуляционные, имиджевые в рок-культуре или мифобиографические при актуализации влиятельного «мифа о поэте») и дальнейшей реализации. Проблему границ такого широко понимаемого текста (произведения) нельзя решить редукцией (текст / контекст) или проигнорировать, особенно если учитывать «несовпадение» произведения с самим собой в различных синхронических и диахронических социокультурных срезах. В нашей модели по крайней мере часть этих несовпадений входит в состав самого текста – синтетического изначально, и ключевыми вопросами становятся *характер и мера (степень) синтетичности*.

Субъектность так понимаемого текста – в свою очередь многоаспектная проблема (например, есть аспекты идиостиля, коммуникативной системы *субъект-источник – субъект-интерпретатор* и др.). Здесь мы остановимся только на одном, но уже хорошо разработанном лингвокультурологией перспективном понятии – это языковая личность. В созданной Д. И. Ивановым на материале отечественной рок-культуры теории синтетической языковой личности (СЯЛ) [8; 9] данная категория получила принципиально новую интерпретацию. Особенно важен тот факт, что была создана и практически применена (на материале синтетического песенного текста и его субтекстуальной структуры) оригинальная лингвокультурологическая методика анализа. Она оказалась применима и в литературе – там, где акцентируется нестандартная дискурсивная ситуация, связанная с текстом или автором (т.е. в процессе понимания / интерпретации ощущим выход за пределы «бумажного» текста). Переакцентировка методологии на собственно литературный материал в рамках теории субъектности текста и составляет предмет внимания авторов.

Для хотя бы эскизной, в режиме предварительных замечаний, проекции теории на творчество И. Бродского необходимо ввести еще два ее термина. Первый – *логоцентрическая модель СЯЛ* (оговоримся сразу, что мера синтетичности – предмет отдельного разговора), означающая системную идеоцентричность субъекта текста, глобальность проблематики, особый (героический, пророческий, избраннический) типаж поэтической личности [10]. Многоуровневую и многокомпонентную структуру СЯЛ выстраивает единая *когнитивно-прагматическая программа* (КПП) – целостная система когнитивно-прагматических установок, формирующихся в пространстве когнитивного сознания личности. Для логоцентрической модели ее общие характеристики таковы: «а) духовно-нравственная и когнитивно-прагматическая обусловленность выбора пути (логоцентрик всегда “движется” только по велению своей души); б) векторность, однонаправленность (движение только вперед); в) непрерывность (“остановка” может привести к актуализации ситуации когнитивной дисбалансировки всей КПП); г) единичность (логоцентрик, выбрав конкретный путь, “блокирует”, “отсекает” все альтернативные варианты достижения цели); д) глубокая убежденность в правильности выбранного пути; е) глубинное целеполагание» [Там же, с. 104]. Что же дает нам основание отнести Бродского именно к логоцентрическому типу?

Вопреки распространённым *идеологическим* представлениям о «частности», «приватности» как пафосе жизни и творчества Бродского (*идеологически* отстаиваемым и самим поэтом – «Если искусство чему-то и учит (и художника – в первую голову), то именно частности человеческого существования <...> превращая его из общественного животного в личность» [2, с. 7]), вопреки многоплановому «опыту отчуждения», «альтернативного существования», «изгнанничества», «взгляда со стороны», *типологически* творчество Бродского принадлежит к «магистральному монархо-поэтическому мифу русской литературы» (выражение А. К. Жолковского – [7, с. 68]). Апологеты Бродского, выдвигающие именно вышеназванные соображения в качестве принципиальной новизны этого «постапокалиптического» поэта («Стихи-странствия нового Одиссея <...> заполняют пустоту поверхностного и издерганного современного сознания...» [14, с. 297]; «единственный из великих русских поэтов XX века, в чьем творчестве отчаяние существования преодолевается самой структурой поэтической речи» [12, с. 298]), как бы забывают, что, говоря пастернаковским языком, «вакансия поэта», его мифопоэтическое место «геолога» и «заклинателя» мировых стихий не вчера придуманы и вряд ли сильно зависят от конкретной идеологии. Обосновать «приватную» версию можно только одним способом – «подыгрывая» поэту в его мифотворчестве и не замечая противоречий. Так, у В. Куллэ поэт с «идеальной биографией», в которой «ссылка, благословение Ахматовой и необычайная подпольная популярность в России, изгнание, благословение У. Х. Одена и громкая слава на Западе» [14, с. 283], оказывается как бы не совсем «при чём»: «Сказанное имеет отношение больше к самой природе мифа, нежели к его герою» [Там же]. А дальше говорится о любви Бродского «расписывать роли», строительстве собственной судьбы «исходя из законов эпоса» и т.п. Логично что-нибудь одно: либо «ни при чём» (просто действуют законы «сжатия, вытеснения, уничтожения»), либо «при чём». Избегание пророческой позы, замена пафосного романтического героя на «совершенного никто, человека в плаще, потерявшего память, отчизну, сына» [4, с. 44], отмена в зрелом творчестве «романтической дикции» не отменяют романтического по сути жизнотворчества – это вещи совершенно разномасштабные.

Приведем полностью процитированную выше любимую (неоднократно повторяемую со времен ссылки в Норенское) мысль Бродского: «...человек, создавший мир в себе и носящий его, рано или поздно становится инородным телом в той среде, где он обитает. И на него начинают действовать все физические законы: сжатия, вытеснения, уничтожения» [5, с. 61]. Важно, что это относится у Бродского *ко всем настоящим творцам* (в письме другу из ссылки – по поводу себя, здесь – о Пушкине; похоже формулируется судьба Цветаевой в эссе и т.п.), это его собственный *предпочтительный* ракурс (страдательно-стоический, соответствующий «второсортной» эпохе) восприятия Судьбы Поэта *вообще*, его – действительно новая – *версия* «монархо-поэтического мифа». Заочно полемизируя с Вл. Соловьевым по поводу гипотетической судьбы выжившего после дуэли Пушкина, Бродский как философствующий поэт катастрофического XX века и «выжившего» Пушкина подвигает к нему, попутно объясняя «ошибки» Соловьева: «...христианский мыслитель был сыном своего века, последнего века, рассчитанного на гармонию <...> Как знать, не стал бы наш первый поэт новым Иовом или поэтом отчаяния, поэтом абсурда – следующей ступени отчаяния?» [Там же, с. 60]. Твердящие вслед за Бродским о «приватности» упорно не хотят понимать главного: дело не позы, не в славе, вообще не в конкретной (греющей *их* лично, соответствующей *их* миро- и самоощущению) мысли – дело *исключительно в масштабе поэтического явления*. Если бы речь шла об условных А. Наймане, Е. Рейне, Л. Лосеве, А. Кушнере, В. Куллэ и пр. уважаемых людях, может, рассуждения о «приватности» имели бы смысл. Бродский же, как бы ни пытался замаскировать (или уничтожить – тут на вкус) героическую по определению «вакансию поэта», – *монументален*, и прекрасно это осознавал. Эта монументальность, это «один на один»,

когда «встаешь и говоришь векам истории и мирозданию» [17, с. 287], у Бродского – *стилистически* отчужденный, «остужаемый» иронической ухмылкой или аналитической риторикой, дистанцированный до самоотстраненности и самоликвидации («тело сыплет шаги на землю из мятых брюк» [4, с. 76], «и себя отличить не в силах от снятых брюк, от висящей фуфайки» [Там же, с. 216]; величие передоверено пейзажу, языку, времени и т.п.), но вариант лермонтовского и «маяковского» *рандеву с миром*, принимающий самые разные формы, однако *типологически* неотменимый в своей монументальности. Примеры можно приводить почти наугад: «Так велико желание всего // живущего преодолеть границы, // распространиться ввысь и в ширину, // что, стоит только выглянуть светилу, // какому ни на есть, и в тот же миг // окрестности становятся добычей // не нас самих, но устремлений наших» [Там же, с. 37]; «С высоты ледника я озираю полмира, // трижды тонул, дважды бывал распорот. // Бросил страну, что меня вскормила...» [Там же, с. 191] и т.д. *Рандеву с миром* – наиболее опасный для поэта вид самоидентификации, ибо мгновенно обнаруживается разномасштабность или надутая самопародийность, но у Бродского это, как правило, стихи из лучших. «Работает» не отдельно взятая «фигура» лирического героя-поэта (образ), но весь – метафизический! – масштаб лирического события, задаваемый языковой личностью. Именно он позволяет совершать переход от «совершенного никто» к трогательно-романтическому хулиганству героя: «Скрестим же с левой, вобравшей когти, // правую лапу, согнувши в локте; // жест получим, похожий на // молот в серпе, – и, как чорт Солохе, // храбро покажем его эпохе, // принявшей образ дурного сна» [Там же, с. 45-46], – и далее к монументальности самой лирико-метафизической ситуации: «Шпили, колонны, резьба, лепнина // арок, мостов и дворцов; взгляни на- // верх: увидишь улыбку льва // на охваченной ветром, как платьем, башне, // несокрушимой, как злак вне пашни, // с поясом времени вместо рва» [Там же, с. 46]. Эволюция Бродского – не **из-живание** романтически понимаемой Судьбы Поэта (избранника и т.п.), а **в-живание** человека как носителя Дара («не зарыл, не пропил» [3, с. 361]) в обстоятельствах, представляющиеся *метафизически безнадежными, бесчеловечными* («Все, что я мог потерять, утрачено // начисто. Но и достиг я начерно // все, чего было достичь назначено» [4, с. 17]).

Установив принципиальный факт *типологической* преемственности Бродского относительно классических версий Мифа о Поэте, «монархо-поэтического мифа», амбивалентного избранничества / изгойства и т.п., мы можем удостоверить его фундаментальную укорененность в метанарративе – одной из инвариантных базовых моделей, «претендующих на универсальность, доминирование в культуре и легитимирующих знание, различные социальные институты, определённый образ мышления и т.д.» [13, с. 459]. А осознав творческий (жизнетворческий) путь Бродского как несомненное единство (общепризнан факт, что поэт очень рано вышел ко всем своим основным темам в их оригинальной трактовке; менялись стилистические регистры, синтаксические модели), уже нетрудно представить, что перед нами настоящая логоцентрическая КПП. Зная общий принцип (жесткую однонаправленность) ее эволюции и четкий вектор этих изменений (от воплощения универсальной сути «баратынского» элегизма и балладности через рефлексию над собственным юношеским романтизмом, кристаллизацию аналитического начала, метафизику, иронию, *enjambement* к демонстративной «антиромантичности», самоотстраненности героя и тона лирики, «негативному космосу» поэтической метафизики, экзистенциальному отчаянию такой «закаменелости», что оно стало эмблемой стиля), мы можем четко обозначить начало движения – метанарративную универсальную КПП, послужившую основанием для создания производной КПП языковой личности поэта.

Эта универсальная КПП очень хорошо просматривается в самом раннем периоде творчества Бродского (1957-1960), где идет процесс поиска основной цели, которая должна определить специфику будущей оригинальной (производной по типу) КПП поэта. Процесс «целеполагания предшествует программированию; целеполагание задает направление и общий характер программирования» [6]. Если мы взглянем на метатекст ранней лирики Бродского, то увидим, что он представляет собой «напряженное обещание поэтического подвига <...> особенно резко в стихотворениях, посвященных самой поэзии...» [16, с. 178]. Таковы, например, «Стихи под эпитафией», чье содержание укладывается в бинарную оппозицию божественного, высшего, и массовидно-человеческого, низшего, представленную двумя рядами (Бог – Бах – вечность – храм – крест; наг – убог – бык – брэнность – гроб – хлыст). Однако есть перспектива: «В каждой музыке Бах, в каждом из нас Бог» [2, с. 22], т.е. причастность к искусству дает человеку шанс подняться к подлинности существования, но это (как и в «Глаголах») – мученический крестный путь, отмеченный свободой и отверженностью («Юродствуй, воруи, молись! Будь одинок, как перст!.. Словно быкам – хлыст, вечен богам крест» [Там же]). Изначальная установка – почти «маяковское» обещание поэтического подвига, своей мощью как бы распирающее риторику изнутри и находящее воплощение в эффектах параномазии и аллитерации. Особенно это заметно в «Пилигримах», получивших широкую известность благодаря сочетанию стоицизма, отваги и романтической риторики. Однако романтические клише («глаза их полны заката, // сердца их полны рассвета» [Там же, с. 21]) «не заслоняют концептуального ядра – пути мимо “мира и горя”, “Мекки и Рима”. Возникает противопоставление “иллюзии и дороги”, “вере в себя да в Бога» [16, с. 172]. Богоборчество Бродский вскоре изживет, но навсегда главным способом преодолеть «безвыходную материальность» мира останется «иллюзия в дороге» – поэзия. В финале Идея Поэзии онтологизируется: «Удобрить ее солдатам. // Удобрить ее поэтам» [2, с. 21], – и, становясь неизменным венцом поэтического философствования, накладывается на столь же ранний разворот экзистенциального плана в стихотворении «Еврейское кладбище около Ленинграда». Романтический конфликт с эпохой, позиция абсентеизма и эстетического противостояния государству, обостренное метафизическое чувство, трагизм открывшейся в послевоенной разрухе «голой сути» уже у юноши Бродского множатся на «текст культуры» (в городе-тексте культуры), жажду творческой самореализации, раннюю способность к рефлексии, духовное сиротство в Империи, романтизм и байронизм, предопределяя – в рамках почти неизбежного в России осмысления главной темы (Поэта

и Поэзии) – ориентацию на тот самый «монархо-поэтический миф». Не забудем и знаменитое «величие замысла», которое, кажется, всё уже повидавшая А. Ахматова восприняла (слова юноши!) как точную формулу предназначения Поэта.

Таким образом, постулируя не «приватность» (это *месседж* персонального культурного неомифа, а не типологическая характеристика), а, напротив, *универсальность* исходной КПП в ее логоцентрической перспективе, мы вводим Бродского в тот самый ряд поэтов-мифотворцев, синтетический текст которых в *обязательном порядке* включает в себя отрефлексированную и ставшую в *итоге* отдельным, реципиентным текстом культуры Судьбу Поэта – вне зависимости от желания или нежелания самого поэта в этом участвовать. Масштаб дарования Бродского, контекст эпохи, выбор базовой КПП саморазвития и упорство логоцентрика предопределили его жизнотворческий путь.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 297-325.
2. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 1 / общ. ред. Я. А. Гордина, сост. Г. Ф. Комаров. 304 с.
3. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2 / общ. ред. Я. А. Гордина, сост. Г. Ф. Комаров. 440 с.
4. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 3 / общ. ред. Я. А. Гордина, сост. Г. Ф. Комаров. 312 с.
5. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 7 / общ. ред. Я. А. Гордина, сост. В. П. Голышев, Е. Н. Касаткина, В. А. Куллэ. 344 с.
6. Гавеля В. Л. Введение диссертации [Электронный ресурс] // Гавеля В. Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: дисс. ... д. филос. н. М., 1998. URL: <http://www.dissercat.com/content/tselepolaganie-v-strukture-sotsialnoi-deyatelnosti-cheloveka> (дата обращения: 15.03.2017).
7. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 428 с.
8. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
9. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2017. Т. 2. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: компонентная структура, система концептов (на материале русской рок-культуры). 296 с.
10. Иванов Д. И. Типологические особенности когнитивного сознания субъекта-логоцентрика в русской рок-культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 100-105.
11. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Антропоцентрическая парадигма и теория синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 96-100.
12. Комаров Г. Ф. От составителя // Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 1 / общ. ред. Я. А. Гордина. С. 298-299.
13. Коротченко Е. П. Метанаррация // Постмодернизм. Энциклопедия / под ред. А. А. Грицианова, М. А. Можейко. Мн., 2001. С. 459-461.
14. Куллэ В. Иосиф Бродский: новая Одиссея // Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 1 / общ. ред. Я. А. Гордина, сост. Г. Ф. Комаров. С. 283-297.
15. Лакербай Д. Л. Автор, читатель, произведение (к теории индивидуального стиля) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156. Кн. 2. С. 98-105.
16. Лакербай Д. Л. Поэзия Иосифа Бродского конца 1950-х годов: между концептом и словом // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: исследования и материалы. Иваново: ИвГУ, 1998. С. 166-180.
17. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 10 / ред. тома Н. Реформатская. 386 с.

THE LOGOCENTRIC PROGRAM OF LINGUISTIC PERSONALITY OF J. BRODSKY: PRELIMINARY REMARKS

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies, People's Republic of China
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

In the article, within the framework of the metadisciplinary theory of subjectivity of the text developed by the authors, the new approach to J. Brodsky's creative work is proposed. Despite the neo-mythological ideas of the "privacy" of poet's work, defended by Brodsky himself and his apologists (these ideas make up the message of the personal cultural neo-myth), the typological description of his linguistic personality is an indication of classical logocentrism. The analysis of the basic cognitive-pragmatic program, chosen by the poet in the initial goal setting mode, confirms this hypothesis. It is established that the universal metanarrative program of the chosen one Poet / social outcast, actualizing automatically the neo-myth of Poet's Fate in culture, regardless of the direct intentions of the author was selected as original by the poet.

Key words and phrases: metadisciplinary; logocentric model; linguistic personality; cognitive-pragmatic program; universal metanarrative cognitive-pragmatic program; J. Brodsky.